

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

4 ноября 1993 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института русского языка РАН, посвященное 100-летию начала издания "Материалов для словаря древнерусского языка" Измаила Ивановича Срезневского (издавались с 1893 по 1912 г.).

На заседании присутствовали представители Фонда славянской письменности и культуры, Православной академии и Академии славянской культуры, сотрудники издательства "Наука", "Книга", "Просвещение", члены редколлегии журналов "Вопросы языкознания", "Русская речь", "Русская словесность", "Российская провинция", "Русский архив" и др. Гостями были и праправнуки И.И. Срезневского.

Открыл заседание председатель Ученого совета, директор Института русского языка РАН чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов (Москва), который в своем вступительном слове обратил внимание на гениальное предвидение великого русского ученого И.И. Срезневского, наметившего в своей погребальной речи "Мысли об истории русского языка" (произнесена на годичном торжественном собрании Петербургского университета в 1849 г.) три пути развития исторической науки о языке: исследование языка памятников письменности, изучение живых народных говоров и анализ литературного языка. Эти три основные линии развития русистики в точности соответствуют, как мы сегодня говорим, формам существования русского языка – не участвующий в коммуникации язык древних памятников, устная русская речь и письменный литературный язык. Именно по этим направлениям ведется работа современными учеными.

Говоря о привлекательности личности И.И. Срезневского, Ю.Н. Караулов остановился на его многообразных научных интересах. Измаил Иванович занимался исследованием русских народных песен и анализом языка древнерусских письменных памятников,

изучал язык русских писателей и стоял у истоков славяноведения (новой для того времени науки), заложил основы русской диалектологии и лингвострановедения, создал теорию лексикографии – важным здесь оказывается не только его Словарь, но и его научные работы о словарях.

Особое место в выступлении было уделено рассказу о формировании к сороковым годам прошлого века трех линий в русской лексикографии. В этот период у И.И. Срезневского рождается идея создания исторического словаря древнерусского языка, В.И. Даль работает над "Толковым словарем живого великорусского языка", Я.К. Грот, будучи профессором Гельсингфорского (Хельсинского) университета, начинает составление словаря литературного языка, словарь которого охватывает миллион вхождений (до сих пор находится в рукописи).

Далее выступил ректор Православного университета проф. о. Иоанн Экзонамцев (Москва). Он сердечно приветствовал всех присутствующих, порадовался возрастающему интересу к творческому наследию И.И. Срезневского, ученого, который был почетным членом всех Духовных академий, существовавших в России.

О. Иоанн говорил о нынешнем кризисе культуры в России. Вспомнив евангельское "в начале было Слово", отметил, что нынешнее русское слово оскудевает, и, если думать о возрождении России, ее духовности и культуры, нужно начинать с возрождения именно слова. Он рассказал о Православном университете, в программах которого осуществляется синтез науки, культуры и христианской нравственности и в котором большое внимание уделяется языковой подготовке.

С докладом «"Материалы..." И.И. Срезневского: исторический фон и перспективы использования изданий (XVIII–XX вв.)» выступила Г. А. Богатова (Москва).

Поделившись мыслями о феномене Срезневского-лексикографа, основателя жанра русской исторической лексикографии и соз-

дателя фундаментального трехтомного словаря, синтезирующего филологические познания XIX в. в области истории русского языка, Г.А. Богатова рассказала о том, как у Измаила Ивановича формировалась концепция исторического словаря, складывалось понимание историзма, как шел поиск форм его отражения и как ему удалось обобщить европейский, особенно ослavianский, лексикографический опыт. Она остановилась на том, какое место заняли "Материалы..." И.И. Срезневского среди других великих лексикографических творений – Я. Гримма, В.И. Даля, С.Б. Линде и Э. Литтре.

Лексикографическое наследие И.И. Срезневского, заложившее основы признания высокой культурной миссии словарей как хранилищ научных истин языкознания, истории и этнографии, дало ориентиры последователям в XX в. Теперь "Материалы..." Срезневского удачно соседствуют и с другими словарями исторического жанра – "Словарем русского языка XI–XVII вв." (с 1975 по 1992 г. вышло 18 выпусков) и "Словарем древнерусского языка (XI–XIV вв.)" (с 1988 по 1991 г. вышло 4 тома), и с семейей этимологических словарей, русских и праславянских, страницы которых пестрят ссылками на словарь Срезневского.

Главному вопросу, стоявшему перед национальными движениями славянских народов Австрийской империи, – вопросу о правах национального языка – был посвящен доклад И. В. Чуркина и Ой (Москва) "Проблема создания общеславянского языка в конце XVIII – начале XIX вв."

Для национальных деятелей язык являлся главным признаком национально-этнической принадлежности. Степень его развитости указывала на степень развития того или иного народа. К концу XVIII в. поляки, хорваты, сербы и чехи уже имели достаточно развитые письменные языки. У словаков же не было письменного языка (на территории их проживания использовалась латынь, а наряду с ней с XV в. – чешский язык). У словенцев в XVI в. протестанты издали словенскую грамматику и несколько переводов на словенский религиозных книг, но традиция словенского письменного языка была прервана почти на 300 лет действиями контрреформаторов. Именно поэтому у словенцев и словаков идея общеславянского языка имела большее распространение, чем у других славян.

К концу XVIII в. славянское население еще не было четко дифференцировано, очертания границ того или иного этноса были неясны. Потому в этот период в научном мире существовало мнение, что славяне являются единым народом с единым языком, и это

послужило основанием для возникновения среди славянской интеллигенции проблемы создания общеславянского литературного языка. Другая причина – стремление малых славянских народов обрести моральную и политическую опору в сознании принадлежности к могучему многочисленному славянству.

К середине XIX в., когда сформировались литературные языки всех славянских народов, идея создания общеславянского языка себя исчерпала, так и не осуществившись. При этом она оказала влияние на формирование словарного фонда славянских литературных языков.

Н. В. Чурмаева (Москва) начала свой доклад "Слово и текст" с записки И.И. Срезневского, прочитанной 28 апреля 1866 г. на заседании II Отделения Академии наук и содержащей очерк всей его работы над Словарем. В ней, в частности, говорилось, что источниками для Словаря древнерусского языка должны служить памятники русской письменности лишь до XIV в. во всем их объеме. Спустя 100 лет это положение Срезневского стало основным при начатой в Институте русского языка работе по созданию "Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)".

В докладе отмечалось, что объектом изучения при составлении словаря древнего языка является слово в тексте и что трудности, связанные с выделением слова и его толкованием, известны всем исследователям-историкам. Для лексикографа они усугубляются тем, что показ уровня употребления в историческом словаре является требованием принципиальным, а отказ от комментариев к словарной статье диктуется традицией. Поэтому автор словарной статьи должен определить значение слова применительно к тексту без каких-либо доказательств или соображений в пользу своего толкования. Именно поэтому некоторые определения значений имеют характер откровений. Это было проиллюстрировано несколькими примерами.

Как всегда, чрезвычайно интересным, теоретически насыщенным и концептуально завершенным был доклад О.Н. Трубачева (Москва) "К проблеме Азово-Черноморской Руси", представляющий собой продолжение, точнее, V главу его книги "В поисках единства" (М., 1992), правда, в сокращенном изложении.

Обращая взор на юг – к самому отдаленному южному форпосту Руси-России в ее исторически древнейших европейских пределах – к Тамани, Таманскому полуострову, древней Тмутаракани, О.Н. Трубачев

подходит также к одной из самых ответственных тем — теме происхождения Руси и ее названия. Для углубленного понимания этого вечного вопроса, говоря о традиционном русском этническом пространстве, необходимо уточнить, что у Тамани было большое прошлое — русское и дорусское.

Нынешними историками, как и византийскими политиками, начало русской Тмутаракани датируется лишь временем после походов князя Святослава (вторая половина X в.). Но славянский элемент на северном побережье Черного моря справедливо связать с продвижением сюда антов (восточных славян). И хотя этнические славянские группы не оставили на юге археологических следов, данные сравнительного языкознания и систематическое изучение языковых реликтов Indoarica в Северном Причерноморье дают возможность говорить о преемственности местного индоарийского субстрата в местном славянорусском (т.е. о том, что в Скифии жили еще и особые, "нескифские", неиранские племена, отражение следов которых обнаруживается у славян).

Приведенные О.Н. Трубачевым примеры преемственного отражения (например, семантическая пара: индоарийское местное название **U-kanda*, букв. "отросток" и местное славянорусское *Копыль*) подтверждают, что это древняя периферия русского языкового пространства со свойственной ей самобытной архаикой.

Первым, кто проявил настоящий интерес к проблеме древности русского присутствия в Южном Поморье, был И.И. Срезневский, указавший в своей статье "Русское население степей и южного поморья в XI–XIV вв." (1860 г.), что для русских эта местность не была новой, что далеко на юге были поселения, родственные Руси, и рекомендовавший обратиться к названиям местностей юга России, оставшимся от веков очень далеких.

Далее был представлен обзор славянского ономастического материала региона, этнонимы и гидронимы Северного Приазовья, хранящие многие существенные черты славянской этноязыковой периферии; говорилось и о древних этнических передвижениях: Русь была отнесена степными племенами, но пришло вторичное освоение юга, вырази-

вшееся в известном в диалектологии "сползании" изоглосс. По данным древних историков, славяне появились здесь уже в IV–V вв., и именно здесь начал шириться этноним *Рус, Русь* (первоначально — с иной этнической атрибуцией), почему и говорят о Донской Руси с ее этнически сложным населением.

Донская Русь ушла в прошлое, но оставила нам имя *Русь*. Научные аргументы на стороне южной концепции — история имени *Русь* начиналась с юга: в ономастике (топонимии и этнонимии) Приазовья и Крыма испокон веков наличествуют названия с корнем *рос-* (причем иранство этим рефлексам приписать трудно — в силу фонетических и словообразовательных отличий), тогда как на русском севере имя *Русь* привилось не сразу, в любом случае оно — вторично.

Предлагая свое решение более чем двухвекового вопроса науки о становлении названия Руси, О.Н. Трубачев считает, что это путь, идущий по следам Руси Азовско-Черноморской. С ранне цивилизованного юга, а не с отсталой северной окраины неуклонно ширилась и входила в обиход форма этнонима **rus-*, откуда и берет начало *Русь*, название, понятие и самосознание, за ним стоящее.

С сообщениями на юбилейном Ученном совете выступили М.Н. Громов (Москва), рассказавший об историко-философских основах программ обучения в Академии славянской культуры, Н.В. Колгушкин (Рязань), зам. директора школы № 31 г. Рязани, познакомившая с научно-методической и просветительской работой школьного музея И.И. Срезневского, О.В. Лебедева (Москва), посвятившая свое выступление участию И.И. Срезневского в Славянском съезде в России в 1867 г., М.Ю. Досталь (Москва), давшая характеристику архиву Срезневских в РГАЛИ, и В.Б. Крысько (Москва), обративший внимание на гапаксы Новгородской I летописи в Словаре И.И. Срезневского.

Доклады и выступления выявили непреходящее значение Словаря древнерусского языка И.И. Срезневского для развития современной исторической лексикографии.

Иванова М.В. (Москва)

В славистической ономастике чешская школа изучения имен собственных имст, пожалуй, наиболее прочные традиции. Базируясь на трудах Ф. Палацкого, Ф. Копечного, А. Профоуса, В. Шмиллауэра, Я. Свободы, получив развитие в теоретических поисках Р. Шрамека, Й. Бенеша, М. Кнапповой, И. Лутерера и др., постоянно пополняясь новыми именами исследователей, чешская ономастическая наука наиболее очевидно демонстрирует свои достижения в ходе научно-теоретических и практических конференций.

С 12 по 14 января 1993 г. в г. Градец-Кралоу на базе местного педагогического института состоялись III чешская ономастическая конференция и V семинар "Ономастика и школа". Они были объединены общей программой и проходили в форме совместных заседаний. Вышел объединенный сборник тезисов [1]. В конференции, помимо хозяев, приняли участие представители Германии, Норвегии, Польши, России. Впервые на чешском научном форуме в качестве иностранных гостей участвовала представительная делегация словацких ономастологов (две предыдущие ономастические конференции были общечехословацкими).

Всего было прочитано 5 пленарных и более 50 секционных докладов. Открыл заседание председатель Чешской ономастической комиссии ЧАН-др Р. Шрамаек. Он напомнил, что ономастическая традиция в Чехии имеет глубокие корни, руководимая им комиссия была основана 80 лет назад. При этом чешская наука об именах собственных является частью мировой ономастики, неразрывно связана с международными традициями. Это находит свое подтверждение в том, что настоящая конференция посвящена XVIII Международному ономастическому конгрессу в Трире (ФРГ) и тематически увязана с ним.

Из других приветственных выступлений отметим речь епископа К. Отченашека, который сообщил о том, что важной частью теологии является ономастика sacra, изучающая и трактующая имена собственные (прежде всего имя Господа) в Священном Писании. Зав. кафедрой чешского языка местного пединститута Я. Бартушек о в, специалист по теории текста (см. [2]), главный редактор бюллетеня "Česnář" [3], рассказала об ономастических исследованиях в Восточной Чехии.

На первом пленарном заседании были прочитаны доклады Э. Айхлера (ФРГ, Лейпциг) "Системный диагноз в ономастике", М. Кнапповой (Прага) "Система фа-

милей, используемых в Чехии", Я. Плещаловой (Брно) "Специфические черты ономиической системы" и Б. Деймека (Градец-Кралоу) "Топонимы в поэзии (стихотворение К. Шиктанца "Январь" из цикла "Чешские куранты)".

На первой секции анализировались проблемы антропонимики. Доклад Р. Мрузека (Польша, Щецин) касался вопросов проекции языковой системы на ономастическое пространство. Б. Хелланд (Норвегия, Осло) остановился на использовании норвежских топонимов в качестве фамилий. Исторической антропонимике были посвящены доклады О. Халаги (Словакия, Кошице), Э. Вольнич-Павловской (Польша, Варшава), В. Супруна (Россия, Волгоград), В. Шуловской (Варшава) (см. работу последней [4]). Словообразовательные особенности антропонимов и онимов в целом были рассмотрены в докладах Н. Байеровой (Острава), Э. Брезы (Польша, Сопот), П. Гаузера (Брно), И. Лутерера (Прага). Проблемам транскрипции было посвящено выступление Л. Кубы (Устина-Лабе). О месте имен собственных в издающемся словаре судетских диалектов немецкого языка сообщил Н. Энглиш (ФРГ, Гиссен). Вопросы системы в этнонимии осветила в своем докладе М. Опелова-Каройи (Острава).

На второй секции были проанализированы вопросы топонимики. Наиболее обстоятельно были рассмотрены различные аспекты гидронимии. О них говорили в своих докладах Й. Маленичка (Прага), Р. Мрузек, Й. Коларжик (Оломоуц), Л. Сичакова (Словакия, Прешов), Э. Якус-Борек (Польша, Ополе), О. Немчкова (Словакия, Банска-Быстрица). Микротопонимы и урбанонимы стали материалом исследований П. Одалоша (Банска-Быстрица) и Л. Оливовой (Прага). Большой интерес вызвал доклад известного словацкого ономастолога М. Майтана (Братислава) "Система и модели словацкой оронимии". Топонимические элементы и базы рассматривались в выступлениях Э. Пастыки (Ополе) и Г. Сурмы (Польша, Гданьск). Контрастивному анализу топонимов посвящались доклады Я. Матушовой (Прага) и М. Пачиковой (Братислава). Функции прагматонимов рассмотрели А. Бельхневская и Б. Франковска-Козак (Щецин).

На заседаниях третьей секции и были рассмотрены дидактические аспекты ономастики, использование имен

собственных в художественной литературе и проблемы их перевода. Открыл работу секции Ц. Кучера (Усти-на-Лабе) докладом "Имя собственное в литературе и переводе". Г. Кнеселова (Брно) рассмотрела употребление имен собственных в учебниках чешского языка. Различные формы онимов в чешско-немецком словаре Й. Юнгмана стали материалом анализа В. Коближека (Градец-Кралове). Связь между ономастикой и геральдикой рассмотрел Я. Диблик (см. его словарь [5]). Отражение миграционных процессов в восточно-словацких фамилиях проанализировал М. Блеха (Прешов).

Специальное заседание этой секции было посвящено рассмотрению гипокористических форм антропонимов. С докладами выступили К. Новик (Ополе), В. Коближек, Б. Крея (Гданьск), Н. Байерова и др. Особенно интересным было участие в работе семинара молодых исследователей — студентов Градецкороловского пединститута. Их руководитель С. Пастыржик напомнил, что первый чешский семинар "Ономастика и школа" состоялся в Градце-Кралове в 1984 г. С тех пор ономастическая проблематика находится в центре внимания преподавателей кафедры чешского языка местного педвуза (см. [6]), к ней приобщились многие студенты. На нынешнем семинаре с сообщениями об употреблении различных гипокористических форм имен в школьной среде выступили Д. Пастыржик, А. Глоушкова и др.

На заключительном пленарном заседании с докладом "Системные отношения в онимии" выступил Р. Шрамек. По его мнению, своеобразным ситом, пропускающим языковые возможности в пределы ономастического пространства, являются моделирующая ценность и нормативность. Системность в ономастике определяется моделирующим, нормативным и категориальным воздействием языковых отношений.

Итоги конференции были подведены в выступлениях М. Кнапповой и организатора многих словацких ономастических форумов М. Майтана (см., например [7]). От иностранных участников выступил Э. Брезя. Ректор Градецкороловского пединститута О. Рихтерек высказал соображение, что III чешская ономастическая конференция и V семинар "Ономастика и школа" прошли на высоком теоретическом уровне и внесли большой вклад в теорию и практику ономастики. Председатель Чешской ономастической комиссии ЧАНР. Шрамек поблагодарил участников конференции за активную работу.

Несмотря на экономические и политические проблемы в славянских странах, славистическая ономастика сохраняет свое поступательное развитие. И конференция в восточночешском городе Градец-Кралове стала ярким подтверждением этого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Onymische Systeme: Zusammenfassungen der Beiträge an der III. tschechischen onomastischen Konferenz und an dem V. Seminar "Onomastik und Schule". Hradec Králové. 1993.
2. Bartůňková J. Ztvárnění primární a sekundární komunikace ve vybraných dílech české umělecké prózy. Hradec Králové, 1989.
3. Čestnář. Zpravodaj katedry českého jazyka a literatury Vysoké školy pedagogické v Hradci Králové. 1991. Roč. I. Č. 1–5; 1992. Roč. II. Č. 1–5; 1992/93. Roč. III. Č. 1–2.
4. Szulowska W. Imiennictwo dawnej ziemi halickiej i lwowskiej. Warszawa. 1992.
5. Diblík J. Malý slovník výslovnosti cizích slov z učebnic českého jazyka a čítanek. Hradec Králové. 1991.
6. Bibliografie prací členů katedry ČJL 1988–1992 / Sest. Pastyřík Svatopluk. Hradec Králové, 1992.
7. X slovenská onomastická konferencia: Zborník referátov / Zost. Majtán M. Bratislava; Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, 1991.

Супрун В.И. (Волгоград)

Со 2 по 7 августа 1993 г. в университете г. Виктории, столицы канадского штата Британская Колумбия, проходила Международная диалектологическая конференция "МЕТОДЫ VIII"¹. Лингвисты Канады, США, Германии, Англии, Нидерландов, Финляндии, России, Франции, Польши, Люксембурга, Японии, Таиланда прочитали 39 докладов, в которых были затронуты разнообразные вопросы теории диалектологических, лингвогеографических и социолингвистических исследований, а также представлены результаты конкретного изучения языковой вариативности.

Был обсужден ряд проблем более общего характера. Во-первых, как отличить влияние субстрата от влияния суперстрата (в связи с формированием ирландского английского языка)? Во-вторых, каковы методы разграничения сосуществующих в одной и той же языковой общности разных стадий одного и того же языкового изменения, с одной стороны, и отдельных изменений, с другой, а также определения направлений и социальной "прикрепленности" каждого изменения (на примере "пересекающихся" звуковых изменений во французском языке Квебека)? В-третьих, являются ли возраст, этническая принадлежность, время проживания в стране, а также близость города такими же независимыми социолингвистическими переменными, как общепризнанные таковыми пол, поколение и социоэкономический статус (на материале фонетических особенностей английского языка Ванкувера)?

На конференции прозвучал призыв превратить диалектологию из описательной дисциплины, т.е. практически диалектографии, в дисциплину объяснительную.

Были рассмотрены проблемы сбора и обработки языковых данных. В частности, шла речь о "реабилитации" почтового вопросника, который, несмотря на несколько удачных примеров его использования в социолингвистических исследованиях XX в., после его критики Жильероном в 1902 г. потерял свой престиж в глазах лингвистов. Ставились и вопросы международной стандартизации систем кодирования на ЭВМ фонетических данных, используемых при создании лингвистических атласов (как международных, типа Лингвистического атласа Европы, так и национальных, типа Баварского диалектного атласа), а также международного обмена базами данных и программами их обработки.

Представлено следующее поколение статистических методов, которые позволяют, основываясь на данных о языковых особенностях внутри участка территории, определить встречаемость этих особенностей на всей территории. Эти методы дают возможность выполнить описание встречаемости тех или иных языковых особенностей внутри ареала без обработки всего ареала, опираясь на результаты измерений на одном участке и сведения о плотности этих измерений.

Как отмечалось, обычный статистический анализ, все более популярный среди лингвистов, не может способствовать прогрессу социолингвистики, поскольку с его помощью нельзя исследовать сложные соотношения каждого лингвистического параметра с каждым социальным. Для решения же социолингвистических проблем необходимо применять другие, более сложные статистические методы. Кроме того, были продемонстрированы возможности применения в диалектологии и социолингвистике программы Шебокс, разработанной в 1989 г. для машинной обработки вариантов морфосинтаксических и лексических единиц. В целом, в ходе конференции неоднократно шла речь о программном обеспечении, уже имеющемся в распоряжении диалектологов, и о тех его типах, в которых они нуждаются.

В докладах говорилось о территориальной и социальной вариативности в языках английского, русского, испанского, нидерландского идиш.

По-прежнему активно исследуется английский язык в США. Участники конференции рассказали о затухании диалектных различий в языке самых молодых взрослых респондентов из последнего поколения англоговорящих американцев (исследование проведено с помощью вопросника, созданного для Американского лингвистического атласа), о различиях в употреблении стандартных и нестандартных глагольных форм в зависимости от региона проживания и пола (отмечено, в частности, что именно женщины пользуются стандартными формами чаще, чем мужчины), о том соотношении, которое существует между употребляемыми языковыми средствами и личностными характеристиками говорящего (с помощью приемов, используемых в этнографии и при анализе дискурса, изучалась женская речь в Техасе).

В докладах канадских лингвистов говорилось о результатах изучения контактов английского и французского языков в письменном и устном употреблении в Квебеке. Был сделан также доклад о вариативности французского языка Франции.

¹О международной диалектологической конференции "МЕТОДЫ VII" в Бамберге (Германия, 1991 г.) см. мою заметку в ВЯ, 1991, № 3.

Заслуживает внимания проект запланированного на 1994 г. изучения социальной стратификации языка польского города, для осуществления которого предполагается (по мнению авторов проекта, впервые в странах Восточной Европы) использовать уже многократно примененную в Америке и Западной Европе (см., например, [1]) методику изучения языка города, разработанную еще в начале 1960-х годов У. Лабовым и развитую затем в работах Р.В. Фазолда и Д. Санкоффа.

Японские лингвисты рассказали о стандартизации диалекта города Цуруока, исследованной трижды на протяжении сорока лет, а тайландские – о принципах тоновой лингвогеографии Таиланда. Был прослушан доклад о ряде аспектов диалектного варьирования в эстонском и вепском языках.

На конференции в Виктории рассматривались результаты межъязыковых контактов, в том числе между северорусскими диалектами и карельским языком.

Работа конференции прошла успешно, в чем немалая заслуга оргкомитета, состоявшего из лингвистов университета г. Виктории во главе с профессором лингвистики доктором Джеймсом Артурсом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Schatz H.F.* Plat Amsterdams in its social context: A sociolinguistic study of the dialect of Amsterdam. Amsterdam, 1986.

Голубева-Монаткина Н.И. (Москва)